

**Гришаева О.Н.**

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина  
Кандидат политических наук, старший преподаватель  
кафедры истории и археологии*

**Толочко А.В.**

*Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина  
Кандидат политических наук, доцент кафедры философии и социальных наук*

**Grishaeva O.N.**

*Yelets state University n.a. I.A. Bunin  
Ph.D. in Political Science, senior lecturer, Department of history and archaeology*

**Tolochko A.V.**

*Yelets state University n.a. I.A. Bunin  
Ph.D. in Political Science, Associate Professor of Philosophy and Social Sciences*

## **ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В СТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ИНСТИТУТА ПРЕЗИДЕНТСТВА В ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВАХ**

### **GENERAL AND PARTICULAR IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF INSTITUTE OF PRESIDENCY IN POST-SOVIET STATES**

**Аннотация.** В данной статье автор выявляет общее и особенное в развитии института президентства в постсоциалистических странах. Автор сравнивает конституционные полномочия глав государств, отмечая сходства и различия их политического развития. После распада СССР во всех республиках были приняты новые конституции и поправки к ним, закрепляющие монофункциональную систему, специально созданную для разрешения неординарных острых экономических, социальных и политических проблем. Сегодня инсти-

**Abstract.** In this article the author reveals the General and particular in development of Institute of presidency in post-socialist countries. The author compares the constitutional powers of the heads of States, noting the similarities and differences in their political development. After the collapse of the USSR in all republics adopted new constitutions and amendments thereto, reinforcing monofunctional system specifically created to resolve unusual acute economic, social and political problems. Today, the Institute of presidency in post-Soviet coun-

тут президентства в странах постсоветского пространства разнообразен, и характеризуясь своими особенностями, имеет специфические черты.

Авторы отмечают, что постсоветское пространство не является монолитным образованием, и у каждой политической системы могут существовать различные достижения в демократическом транзите. И если ряд некоторых политических систем выбирают западный путь развития, стремясь к соблюдению принципа сменяемости власти и максимально демократизируя политический дискурс, то другие оказываются очень сильно зависимы от советской культурной инерции, в определённом смысле не предполагающей соответствие стандартам демократизации. Есть и другой опыт (Грузия, Украина, Кыргызстан), предполагающий, что политические системы могут находиться в состоянии постоянных искушений. С одной стороны, демократизации и постепенной рецепции западных политических стандартов, а с другой стороны, медленным авторитарным дрейфом. Некоторые постсоветские политические системы могли испытывать тенденции к централизации, вполне отвечающей их культурному коду и исторической традиции. Наоборот, в политических системах, тяготеющих к иной политической традиции, могли наблюдаться обратные процессы. Безусловно, опыт конкретной постсоветской политической системы и её выбор в пользу того или иного вектора развития может предпо-

tries are diverse, and characterized its own characteristics, has specific features.

The author's notes that the post-Soviet space is not a monolith, and each political system can be a variety of achievements in a democratic transit. And if a number of some political systems choose the Western path of development, striving for the principle of the peaceful transfer of power and maximum democratization of political discourse, others are very much dependent on the Soviet cultural inertia, a sense not involving the standards of democratization. There is another experience (Georgia, Ukraine, Kyrgyzstan), suggesting that the political system may be in a state of constant temptation. On the one hand, democratization and gradual reception of Western political standards, but on the other hand, the slow authoritarian drift. Some post-Soviet political system may experience the tendency to centralization, it is appropriate to their cultural code and historical traditions. On the contrary, in political systems that lean towards a different political tradition, could occur in reverse. Certainly, the experience of a particular post-Soviet political system and its choice in favor of one or another vector of development will assume a specific design of the presidency.

лагать определённое конструирование института президентства.

**Ключевые слова:** институт президентства, постсоциалистические страны, президентская республика, смешанная модель, парламентская система, Конституция, демократизация, легитимация власти.

**Key words:** Institute of presidency, post-socialist countries, a presidential Republic, mixed model, the parliamentary system, the Constitution, democratisation, legitimation of power.

После распада СССР и получения независимости, институт президентства был сформирован во всех постсоветских государствах. Полномочия главы государства были закреплены в конституциях, из текста и смысла которых вытекало положение о незыблемости президентской власти, основанной на доверии народа. Поэтому, легитимация института президентства предполагала проведение демократических выборов, в соответствии с которыми президентский пост получал общественное одобрение. Первые президентские выборы показали, что в некоторых государствах на постсоветском пространстве власть может избираться в условиях демократической конкуренции. Наоборот, в каких-то государствах сразу же обозначились проблемы, и демократические выборы могли вызывать серьёзные вопросы.

Постсоциалистические страны можно с определённой долей условности поделить на три вида республик: президентские, парламентские и смешанные. К президентскому типу можно отнести такие постсоциалистические страны как Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан. К смешанной республике относятся такие государства как Литва, Украина. И, наконец, к парламентским республикам относятся – Грузия, Кыргызстан, Латвия, Молдова, Эстония. Рассмотрим развитие института президентства в постсоциалистических странах на примере некоторых из них.

Например, в Азербайджане в одной из первых среди постсоветских республик, в мае 1990 года, был установлен институт президентства, который постоянно модифици-

руется. Первым Президентом Азербайджана стал оппозиционный лидер А. Эльчибей. Присутствие диссидента во власти во многом способствовало складыванию ситуации экономического и политического кризиса. В периоды романтических искушений, зачастую, определённая часть общества испытывает ностальгию по порядку, по «сильной руке». Легитимация Г.А. Алиева в 1993 году, выступившего в качестве общенационального и авторитетного лидера Азербайджана, в определённой мере стала ответом на демократический период азербайджанской государственности начала 1990-х гг. Постепенно власть Азербайджана делает выбор в пользу авторитарного дрейфа, что не могло не сказаться на постепенной «кристаллизации» власти, её зауклиивании. В полной мере это сказывается на институте президентства. Власть становится прерогативой узкой группы (семья Г. Алиева) внутри правящего класса.

В Белоруссии, по мнению белорусского политолога В. Чернова, развитие института президентства прошло два этапа [10]:

1. Президентская форма правления (1994–1996 гг.);
2. Суперпрезидентская республика. В результате проведенного в ноябре 1996 г. инициированного А.Г. Лукашенко референдума была принята конституция, призванная легализовать и институционализировать почти неограниченную власть президента в форме личного господства.

Безусловно, в опыт развития института президентства в Беларуси вмешивается и фактор самого А.Г. Лукашенко, успешно проводящего политику маневрирования на международной арене и поддерживающего авторитарный климат внутри самого государства. Сложно было бы представить, что подобное творчество А. Лукашенко могло бы иметь столько вариаций, существуй в Беларуси реальная оппозиция.

В Казахстане, по мнению И.Ж. Исакова начало XXI века ознаменовалось переходом к «ручному» управлению политическими процессами. Основные рычаги власти со-

средоточились в руках института президентства, исполнительная власть всецело подчинила себе законодательную, политическая оппозиция слаба и раздроблена [5, с. 35]. При этом, необходимо отметить, что президентские выборы всегда демонстрировали сверхвысокий уровень электоральной поддержки Н.А. Назарбаева, что давало ему карт-бланш практически на любые действия.

По мнению автора, институт президентства занял исключительную позицию в системе государственной власти Республики Казахстан. Фактически он лишен реальных ограничений на какие-либо политические решения и действия. Вполне возможно, что существующая модель организации государственной власти во многом традиционна для Востока и имеет свои преимущества в период проведения реформ, обеспечивая стабильность и последовательность их проведения. По мнению некоторых авторов, политическая стабильность является особым свойством функционирования политической системы [4, с. 52]. Однако, могут возникнуть проблемы при переходе власти от национального политического лидера к другому политику. Эта проблема сегодня стоит и перед Казахстаном [5, с. 38].

Институт президентства в Туркменистане, как и в Таджикистане, стал частью политического дизайна в 1990 году еще до официального его закрепления в новой конституции. Первым президентом, путём всенародного голосования, был избран в 1990 году. первый секретарь ЦК Компартии Туркменистана С.А. Ниязов. Необходимо отметить, что правление С.А. Ниязова характеризуется установлением в стране личной власти, а также масштабного культа личности.

С момента учреждения должности в 1991 году Президентом Узбекистана, наделенного неограниченными полномочиями, являлся И.А. Каримов. Смерть узбекского президента в сентябре 2016 года вызывает вопросы в преемственности курса, хотя сильных сомнений в том, что он будет продолжен нет. Некоторые исследователи склонны полагать, что президентство И.А. Каримова в полной мере

отвечало запросам узбекского общества в сильной власти. В частности, Л. Левитин считает, что данный режим «отвечает традиционным потребностям большинства населения в сильной единоличной власти, обеспечивает стабильность, активно противостоит исламскому фундаментализму, имеет тенденцию адаптироваться к исходящим извне требованиям демократизации» [6, с. 21].

Действительно, с данной точкой зрения можно согласиться хотя бы и в том смысле, как И.А. Каримов моментально подавил андижанский мятеж в мае 2005 года и как ему удалось после этого ещё больше упрочить своё влияние на политические процессы в Узбекистане. С точки зрения автора очень показательно происходило взаимодействие режима И.А. Каримова с интеллектуалами, в ранний период узбекской государственности пытавшихся сформировать демократическое пространство республики через партийное строительство. Подобные усилия не увенчались успехом, о чём свидетельствуют некоторые авторы [8, с. 74].

В Кыргызстане централизация власти формально диктовалась объективной необходимостью преодоления угроз и рисков переходного периода к рыночным отношениям, стремлением сделать этот период менее болезненным для населения. Однако фактически она вела к промахам в управлении: росту коррупции и откату от демократического пути развития. Государственный переворот 2005 г. явился следствием монополизации власти в республике, стремления главы государства А.А. Акаева и излишней включенности семьи президента в политические и экономические процессы.

По мнению Н. Борисова, конструкция, выстроенная К. Бакиевым, в Кыргызстане оказалась недееспособной вследствие того, что все политические институты (партии, парламент, правительство, выборы, губернаторы) были полностью лишены субъектности [2, с. 256].

В случае с К. Бакиевым происходит, по сути дела, то же, что и с А.А. Акаевым. Легитимация К. Бакиева способ-

ствовала моментальному насыщению политической элиты Кыргызстана своими родственниками и родственниками ближайшего окружения. По мнению некоторых авторов, правящий класс, правящие группировки любой страны играют заметную роль в управлении обществом [3, с. 12]. Циркуляция элит не была эффективной, наоборот, она показала авторитарные перспективы Кыргызстана в случае прихода к власти нового президента.

Опасность заключается в том, что при падении президентской власти автоматически происходит гибель всей властной системы, что и продемонстрировала институциональность политического режима Кыргызстана.

Что касается современного Кыргызстана, то сам факт постоянной смены президентов в данной республике, скорее всего, не может говорить о том, что в самой политической системе институт президентства обладает каким-то невероятным авторитетом, особой магией и авторитарным притяжением. В определенном смысле, случай Кыргызстана является исключительным. На примере данной политической системы мы не видим, как институт президентства воплощает в себе полную власть, как он «схватывает» политический дискурс и выступает гарантом и воплощением идеи централизации.

Проведенный нами анализ также показал, что для удержания власти многие главы государств (например, Казахстана, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана), помимо семейно-клановых связей, наиболее часто для достижения своих политических целей используют референдумы, направленные на укрепление личной власти и недопущение нарушения сложившегося в их пользу баланса политических сил. Вполне очевидно, что проведение таких референдумов не идет на пользу прямой референдумной демократии.

По мнению А. Арутюняна, сверхпрезидентство, которое было установлено большинством постсоветских Конституций, было обусловлено слабым авторитетом парламента

среди населения этих стран. Принимая во внимание, что при слабой партийной системе выборы в парламент не способствуют возникновению хорошо организованного парламента, способного в свою очередь сформировать эффективное правительство. В результате этого, президент из политического арбитра стал безусловным обладателем власти [1, с. 9].

Особое место в ряду постсоветских республик, занимают институты президентства в Латвии, Литве и Эстонии, которые были утверждены еще в 20–30-х годах XX века, устранены, а затем вновь восстановлены в период политической трансформации в 80–90-х гг.

Во всех ныне действующих конституциях государств Балтии определен порядок избрания главы, государства, установлены требования, предъявляемые к кандидату на пост президента. При существующих различиях, президент Литовской Республики избирается сроком на пять лет всеобщим голосованием, президенты Латвии и Эстонии избираются парламентами. Что касается требований, предъявляемых к кандидатам на пост главы государства, то конституциями Эстонии и Литвы установлено, что президентом этих государств может избираться лишь гражданин по рождению, в то время как Основной закон Латвии позволяет избираться и натурализованным гражданам.

Конституциями урегулированы отдельные вопросы ответственности главы государства в прибалтийских республиках. Так, в основном законе Литвы предусмотрена возможность отрешения Президента от должности в порядке импичмента в случае грубого нарушения конституции, нарушения присяги, совершения преступления. Кстати, в 2004 году Президент Литвы Р. Паксас был отстранен от должности в порядке импичмента за грубое нарушение Основного закона страны на основании заключения Конституционного суда [7].

Объем компетенций президентов в прибалтийских республиках характерен для глав государств в парламентарных



республиках. Все они обладают правом законодательной инициативы, однако, большинство актов подлежат контра-сигнатуре и уже в силу этого носят подзаконный характер. Условия роспуска парламента строго нормированы и касаются в основном отказа в вотуме доверия либо выражения вотума недоверия правительству. В Конституции Латвии закреплено, что если президент выступит с инициативой роспуска Сейма, то необходимо проведение национального референдума. Конституцией Эстонии предусмотрен роспуск Государственного Собрания, если по истечению двух месяцев с начала бюджетного года им не утвержден государственный бюджет.

В сфере взаимоотношений с исполнительной властью все прибалтийские президенты вправе вносить на рассмотрение парламента кандидатуру главы исполнительной власти, учитывая расстановку политических сил в парламенте. Также, по предложению правительства, либо с согласия парламента могут назначать на должность или лишать должности должностных лиц государственных органов иных ветвей власти.

В сфере судебной власти полномочия президентов стран Балтии различны. Так, Президент Литвы вносит в Сейм предложения о назначении председателя и судей Верховного суда, назначает треть судей Конституционного суда, председателя и судей Апелляционного суда, иных судей. Президент Эстонии вносит предложения о назначении судей в Государственное Собрание, дает согласие на привлечение судей к уголовной ответственности. Президент Латвии, напротив, не принимает участия в формировании судейского корпуса. За всеми главами государств региона закреплено традиционно право помилования заключенных.

Анализ института президентства в прибалтийских республиках показывает, что в процессе его формирования страны Балтии не пошли по пути полного копирования конституций классических парламентских государств. В прибалтийских республиках институт президентства организован и разви-

вается исходя из собственного исторического опыта и расстановки политических сил в стране. У политических элит данных государств были собственные представления о том, как должен формироваться институт президентства. Во многом этому способствовала культурная традиция, и интеграция стран Балтии в европейское пространство.

Таким образом, следует отметить, что институт президентства постепенно становится частью институционального дизайна в постсоветских политических системах. Появлению данного института предшествовал распад СССР и образование новых государств, нуждавшихся в институциональном оформлении своей независимости. В принципе, становление и развитие данного института должно пониматься как следствие диалектических процессов, постоянного взаимодействия власти и сопротивления, выражающееся в поиске оптимальной и компромиссной конфигурации отношений между правящей элитой и оппозиционными акторами. Как считает А. Скиперских, достижение компромиссного варианта обеспечивается за счёт «постоянного совершенствования законодательства, оптимизации «правил игры», создающих правовые основания для протестной активности» [9, с. 72].

В некоторых постсоветских политических системах институционализация президентства является воплощением общественных ожиданий по поводу сильной, централизованной власти, а также является неотъемлемой частью легитимационной стратегии новой политической элиты.

## Литература

1. Арутюнян А. Место президента в системе политико-правовых институтов постсоветских республик // Юриспруденция. 2005. №77(69). С. 5–10.
2. Борисов Н.А. Между современностью и традицией: политические альтернативы постсоветской центральной Азии. М.: РГГУ, 2010. 369 с.
3. Буренко В.И., Шумилов А.В. Политический класс современной России в контексте инструментального подхода // PolitBook. 2012. № 4. С. 9–18.
4. Гришин О.Е. Политическая стабильность: понятие, факторы, инновации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 6–1. С. 51–54.

5. Исаков И.Ж. Институциональные изменения и трансформация партийной системы Казахстана в начале XXI в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2012. №1 (8). С. 35–42.

6. Левитин Л.И. Узбекистан на историческом повороте. Критические заметки сторонника Президента Ислама Каримова. М.: Вагриус, 2001. 350 с.

7. Президент Литвы. [http://www.lituanistica.ru/litva\\_prezident.html](http://www.lituanistica.ru/litva_prezident.html) (дата обращения: 17.06.2016).

8. Скиперских А.В., Толочко А.В. Оппозиционные партии в России и

Узбекистане: специфика институционализации в постсоветский период // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. №1. С. 72–79.

9. Скиперских А.В. Право на сопротивление: политико-философская ретроспектива // Социум и власть. 2016. №5 (55). С. 67–72.

10. Чернов В. Форма правления в посткоммунистической Беларуси: эволюция и проблема выбора оптимальной конституционной модели [http://www.portalus.ru/modules/belarus/rus\\_readme.php?archive=&id=1096042735&start\\_from=&subaction=showfull&ucat=4](http://www.portalus.ru/modules/belarus/rus_readme.php?archive=&id=1096042735&start_from=&subaction=showfull&ucat=4) (дата обращения: 15.05.2016).

## Literatura

1. Arutjunjan A. Mesto prezidenta v sisteme politiko-pravovyh institutov postsovetskikh respublik // Jurisprudencija. 2005. №77(69). S. 5–10.

2. Borisov N.A. Mezhdusovremennost'ju i tradiciej: politicheskie al'ternativy postsovetskoj central'noj Azii. M.: RGGU, 2010. 369 s.

3. Burenko V.I., Shumilov A.V. Politicheskij klass sovremennoj Rossii v kontekste instrumental'nogo podhoda // PolitBook. 2012. № 4. S. 9–18.

4. Grishin O.E. Politicheskaja stabil'nost': ponjatie, faktory, innovacii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. 2015. № 6–1. S. 51–54.

5. Isakov I.Zh. Institucional'nye izmenenija i transformacija partijnoj sistemy Kazahstana v nachale XXI v. // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie. 2012. №1 (8). S. 35–42.

6. Levitin L.I. Uzbekistan na istoricheskom povorote. Kriticheskie zametki storonnika Prezidenta Islama Karimova. M.: Vagrius, 2001. 350 s.

7. Prezident Litvy. [http://www.lituanistica.ru/litva\\_prezident.html](http://www.lituanistica.ru/litva_prezident.html) (дата обращения: 17.06.2016).

8. Skiperskih A.V., Tolochko A.V. Opozicionnye partii v Rossii i Uzbekistane: specifika institucionalizacii v postsovetskij period // Pravovaja politika i pravovaja zhizn'. 2009. №1. S. 72–79.

9. Skiperskih A.V. Pravo na soprotivlenie: politiko-filosofskaja retrospektiva // Socium i vlast'. 2016. №5(55). S. 67–72.

10. Chernov V. Forma pravlenija v postkommunisticheskoj Belarusi: jevoljucija i problema vybora optimal'noj konstitucionnoj modeli [http://www.portalus.ru/modules/belarus/rus\\_readme.php?archive=&id=1096042735&start\\_from=&subaction=showfull&ucat=4](http://www.portalus.ru/modules/belarus/rus_readme.php?archive=&id=1096042735&start_from=&subaction=showfull&ucat=4) (дата обращения: 15.05.2016).